

ПРОБЛЕМА ОПЫТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. В. Боровкова

THE PROBLEM OF EXPERIENCE IN THE HISTORICAL SCIENCE

O. V. Borovkova

В статье рассматривается проблема опыта в исторической науке, актуальность которой обусловлена новыми представлениями, связанными с изменениями взглядов на роль исторических источников. Исторический источник уже не считается незыблемым основанием – наряду с ним выдвигается внеисточниковое знание, частью которого или видом выступает исторический опыт, эксперимент.

Для реализации цели работы исследуются различия свойств и содержания опыта в целом и эксперимента, как одного из видов опыта, обладающего своими особенностями. Также в статье показаны изменения, произошедшие в исторической науке и связанные с существованием двух основных традиций (модернистской и постмодернистской), что повлекло за собой трансформацию представлений о возможности применения опыта в историческом исследовании.

В итоге, автор делает вывод, что опыт имеет два основных значения: «внешний опыт» или эксперимент и опыт, не поддающийся научной верификации, но полагающийся в качестве цели истину. С помощью эксперимента воспроизводится реальность науки, поэтому в традициях модернизма, где историческая реальность полагалась реально существующей, вполне допускалось экспериментальное исследование. В рамках постмодернизма историческая реальность не признается существующей, поэтому предполагается применение, так называемого, «исторического опыта» – опыта переживания и опыта деятельности.

This paper discusses the problem of experience in the historical science, the relevance of which is due to new representations related to changes of views on the role of historical sources. Historical source is no longer considered inviolable basis – along with it, out-of-source knowledge is recognised, whose part or variety is the historical experience, experiment.

The author explores the difference between the properties and content of the experience in general and the experiment as a kind of experience which has its own characteristics. The paper also shows the changes in historical science related to the existence of two main traditions (modernist and postmodernist), which led to the transformation of ideas about the possibility of using the experience in historical research

In the end, the author concludes that the experience has two basic meanings: “external experience”, or experiment, and the experience which is not amenable to scientific verification but relies in the truth as a goal. With the experiment the reality of science is reproduced, so the tradition of modernism, where historical reality was considered actually existing, readily admits experimental investigation.

In postmodern historical reality is not recognized as current, so it suggests using the so-called “historical experience” – the experience of feelings and experience of activity.

Ключевые слова: опыт, исторический опыт, эксперимент, историческая наука, реализм, конструктивизм.

Keywords: experience, historical experience, experiment, historical science, realism, constructivism.

Проблема опыта является одной из самых важных в исторической науке, особенно в настоящее время. Ее актуальность обусловлена новыми представлениями, сложившимися по поводу исторической реальности и возможности ее познания. Исторический источник уже не считается незыблемым основанием – наряду с ним выдвигается внеисточниковое знание, частью которого, а вернее, видом и выступает исторический опыт, эксперимент.

Х.-Г. Гадамер в своем известном произведении «Истина и метод: основы философской герменевтики» отметил, что само «понятие опыта относится... к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [4, с. 409].

Проблема опыта в исторической науке усиливается тем, что с новыми соседствуют прежние, не исчерпанные представления. Существование двух основных позиций (модернистской и постмодернистской), а также ситуация размежевания естественных и социально-гуманитарных наук, отчасти обусловили некоторую неопределенность содержания понятий «опыт» и «эксперимент». Являясь, в некоторой степени, взаимозаме-

няемыми, эти понятия все-таки различаются и это различие усиливается. В обыденном понимании их значение обычно не вызывает сомнений, но в области научного познания требуется их углубленное рассмотрение.

Анализ определений понятия «опыт» выявляет два основных значения: во-первых, опыт – это знание, приобретенное в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий [6]. Опыт как знание, рассматривается И. Т. Касавиным и выступает как непосредственно данное «сознанию субъекта и сопровождающееся чувством прямого контакта с познаваемой реальностью» [3]. Во вторых, опыт выступает как процесс познания: «основанное на практике чувственно-эмпирическое познание действительности» [11]. Таким образом, опыт – это и процесс и результат.

В толковом словаре В. Соловьева опыт подвергается классификации, выделяется опыт «прямой и косвенный, внутренний и внешний, житейский и научный. Состояния, переживаемые и пережитые самим данным субъектом, составляют его прямой или непосредственный опыт; достоверное свидетельство о чу-

жих опытах есть для него опыт косвенный» [12]. И. Т. Касавин, говоря об опыте, выделяет сферы его применения: «реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (*восприятие*) или же реальность состояний самого сознания (*представления*, воспоминания, переживания и т. д.)» [16].

Как упоминалось, зачастую опыт отождествляется тем, что называют экспериментом. В основе такого отождествления лежит значение термина «эксперимент» произошедшего от латинского *experimentum* – проба, опыт. Но, эксперимент, в отличие от опыта – это процесс, а результатом является опыт. М. К. Гусейханов, О. Р. Раджабов очерчивают сферу эксперимента, полагая, что он является «научно поставленным» опытом [5, с. 30].

Эксперимент направлен на получение знаний в контролируемых и управляемых условиях (зачастую специально конструируемых), что предполагает изоляцию изучаемого явления от влияния побочных, несущественных факторов, изучение его в «чистом виде», что дает возможность комбинирования различных условий и неоднократного воспроизведения исследуемого явления. Повторяемость эксперимента позволяет верифицировать результат.

С помощью эксперимента подтверждаются связи (чаще всего причинные) между явлениями и объектами, что дает возможность выделить еще одну особенность эксперимента – некоторая заданность результата: исследователь предполагает результат. Это связано с тем, что «подбор» условий, оборудования и др. невозможен без предположений о результате. Но нельзя не отметить и того, что с помощью эксперимента обнаруживаются новые свойства объектов или явлений.

Как известно, более всего эксперимент используется в естественных науках, а в настоящее время распространяется на сферу социальных наук и приобретает там все большее значение. Но все-таки в социальных исследованиях его значение и возможности ограничены, так как не все социальные явления можно воспроизвести, а тем более, многократно повторить в лабораторных условиях, поэтому затруднена верификация. Также невозможно сделать эксперимент полностью «чистым», исключив побочные факторы. И, наконец, невозможно «опереться» на незыблемые законы как в естественных науках.

Таким образом, эксперимент для получения знаний, преимущественно, предполагает намеренное воспроизведение действительности, контролируемость и управляемость условий, ожидаемость результата. Его применение подразумевает «незыблемость» действительности, существующей согласно законам. Возможности эксперимента в социально-гуманитарных науках снижены.

Опыт, таким образом, представляется более широким понятием, включающим и понятие «эксперимент». Эксперимент всегда можно назвать опытом, но содержание опыта выходит за рамки содержания понятия эксперимент. «Опыт может означать и метод познания действительности, так и в обыденном смысле – накопленный жизненный опыт» [15].

Опыт, выходящий за рамки эксперимента, предполагает как дополнение, так и противопоставление ему. Опыт возможно получить в процессе обыденной жизни и использовать в этой же сфере, но такой опыт

может использоваться и в научных исследованиях, прежде всего, в сфере социально-гуманитарных наук. Результат здесь зачастую неизвестен, так как действительность данной сферы вариативна и изменяема, события единичны и неповторимы. Знание, полученное с помощью опыта, может быть изначально направлено на использование (опыт как эксперимент), а может использоваться при случае.

В исторической науке проблема опыта рассматривается в рамках реалистического и конструктивистского подходов (что не исключает срединных позиций). Представления сторонников реалистического подхода заключаются в том, что историческое прошлое является реальностью, которая существует сама по себе. В этом случае предполагается «достижимость» объекта исследования, то есть прошлого, его независимость от познавательной активности субъекта, возможность «повторяемости» опыта, то есть неоднократного «воспроизведения» действительности.

Представители реалистического подхода, который более всего свойственен модернистской традиции, допускают применение эксперимента как метода исследования в исторической науке. Одни, «отодвигая» исторический источник на второй план, «первичным» считают эксперимент. Например, советский исследователь А. Г. Кузьмин полагал, что источник «не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент» [8, с. 15 – 16]. Эксперимент, с его точки зрения помогает установить точное место и время событий, воспроизвести их последовательность, изучить технику и технологию, описания которых либо не дошли до настоящего, либо не существовали и др.

Но другие исследователи, признавая использование эксперимента в исторических исследованиях, считают его «вторичным». По мнению Э. Н. Лооне, эксперимент допустим, когда отсутствует источник. Но если источник присутствует, то эксперимент излишен, так как важнее всего информация, содержащаяся в источниках: «Если мы знаем, как строили пирамиды, то неважно, что их можно было строить и по-другому» [9, с. 150]. Я. С. Лурье допускал возможность эксперимента, но лишь как проверки некоторых утверждений источника и только при наличии «исходного эмпирического материала источников» [10, с. 15].

Нельзя не согласиться с тем, что с помощью эксперимента совершены многие исторические открытия, но такой эксперимент практически не отличается от эксперимента в естественных науках. Он выступает здесь своеобразным воспроизведением реальности – «оригинала», как дополнением, так и проверкой, что соответствует представлениям реалистов. Реальностью исторической науки и сферой приложения эксперимента полагается историческое прошлое. Кроме того, позиция научного монизма, в той или иной мере свойственная представителям реалистического подхода, предполагала единообразие методов как естественных, так и социально-гуманитарных наук.

В целом же этот опыт проводится с использованием методов других наук. В рамках исторической науки – это повторение действий, которые были произведены с вещами. Как полагает Х. Уайт, в этом случае воспроизводятся события внешние сознанию историка [17, с. 43].

Как мы видели, даже представители реалистического подхода полагают, что эксперимент в исторической науке может использоваться лишь частично, так как воспроизведение исторических событий, подобно тому, как это происходит с явлениями в естественных науках, могут привести лишь к частичному успеху.

«Помехи» создаются людьми, так как повторить чувства, порывы людей в полной мере, а не только внешне – невозможно. История каждой социальной общности уникальна, бесконечно изменчива, мотивация поведения людей может быть скрыта. Апелляция к законам истории также не будет эффективной в достижении истинного знания, так как они порождаются в результате деятельности людей и не действуют всегда одинаково как законы природы. Исторические события, о которых известно из источников, могут воспроизводиться, но в рамках литературы и искусства.

Необходимо также заметить, что понятие «исторический опыт» может здесь употребляться как опыт освоения действительности людьми, для которых исследуемое прошлое было настоящим.

Сторонники конструктивистского подхода отвергают идею возможности для субъекта исторического познания войти в прямое соприкосновение с реальным прошлым. Историческое прошлое в этом случае теряет свое определяющее значение, подчиняется настоящему, становясь лишь прошлым настоящим. На первый план выходит историк, который своей деятельностью конструирует прошлое в текстах, создавая «эффект реальности». Верификация, как воспроизведение реальности здесь неуместна и невозможна, так как любые подобные попытки приведут к созданию множества «других» реальностей.

Таким образом, действительные события прошлого уже не признаются «оригиналом», по которому могут воспроизводиться внешние события. Потеря оригинала приводит к поиску других оснований для исторического опыта.

Предшественником конструктивизма в понимании опыта в исторической науке, на наш взгляд, можно назвать Р. Коллингвуда, который выдвинул в качестве объекта исследования исторической науки историческое сознание. Содержанием исторического знания он полагает знание о том, что дух совершил в прошлом и опыт «воспроизведения его действий» [7, с. 207]. Объектом опыта здесь уже является «деятельность мышления», сознания, а сам опыт – воспроизведением этой деятельности.

Проблема опыта в гуманитарном знании и искусстве явилась предметом интереса основателя философской герменевтики Гадамера. Помимо опыта как эксперимента, с помощью которого проводится верификация, он выделяет формы опыта, не поддающиеся научной верификации, лежащие «за пределами науки» (опыт истории, опыт философии, опыт искусства). Это опыт, превышающий возможности эксперимента и хотя он не является научным, он также устремлен к истине [4, с. 39].

На первое место здесь выходит не объективность опыта, а как считал Гадамер, личностное прочтение текста, его переосмысление, переоценка, или «переписывание». В результате этой деятельности происходит создание собственного авторского текста, источником которого выступает, по Гадамеру, собст-

венный герменевтический опыт. Этот опыт является основой формирования горизонта понимания.

Таким образом, мысль о том, что познать прошлое «как оно было» невозможно все более укрепляется. Причиной этому, как пишет В. Н. Сыров, является не только то, что прошлое недостижимо и не может стать «подтверждением суждений историка», а и потому что «"смысл" происшедшего чужд нам» [13]. В этой ситуации (в рамках постмодернизма) возможность исторического опыта первым рассмотрел голландский философ Ф. Р. Анкерсмит. Он предлагает перейти от проблем языка к проблеме непосредственного опыта восприятия прошлого. По его мнению, существует три вида исторического опыта: объективный, субъективный и возвышенный.

Объективный опыт – это опыт восприятия людей, живших в прошлом своей действительности, того мира, где они жили. Субъективный опыт – опыт разрыва настоящего и прошлого, переживания дистанции между ними. Возвышенный исторический опыт является переживанием различия между прошлым и настоящим.

В качестве одного из составляющих объекта исторического опыта у Анкерсмита выступает «персональное прошлое» (мало отличающееся от коллективного прошлого). Он полагает, что человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это опыт ностальгии. Ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [1, с. 367]. Подход Анкерсмита – это воспроизведение «внутренних» событий, то есть тех чувств, которые вызваны тем или иным событием.

С одной стороны, исторический опыт, представленный Анкерсмитом, человек получает «из первых рук», может «прикоснуться» к нему, но с другой стороны, ностальгический опыт показывает невозможность возвращения к прошлому [2, с. 56]. Отсюда сочетание радости от «прикосновения» к прошлому и боли от невозможности его возвращения. Такое сочетание порождает стремление повторить или приблизить прошлое и это является весьма сильным стимулом для историоописания.

Невозможность опереться на прошлое, его чуждость, травматичность побуждают Х. Уайта также разработать способ преодоления чуждости. В качестве такового и выступает исторический опыт, который восстанавливает прошлое. Прошлое, с точки зрения Уайта, не существует в качестве объективной реальности, – оно появляется лишь в момент его опытного постижения. Он считает, что это может произойти с помощью форм, тропов, на которые опирается историк в своем исследовании.

Выбор тропологической модели влечет за собой «определенный способ объяснения, аргументации и идеологической стратегии» [2, с. 11]. То есть Уайт создает «структуралистскую сетку», в пределах которой существуют все исторические тексты. Она выступает в качестве закона, претендуя на статус незабываемости, неразрушаемости, что свойственно законам природы, которым подчиняется опыт в естественных науках.

Исторический опыт, представленный Х. Уайтом, с одной стороны, основан на предпочтении историком тропов, с другой стороны, это предпочтение связано с представлениями об их независимости от исследова-

теля. Поэтому определить его как внешний или внутренний достаточно трудно.

Проблема исторического опыта стала объектом интереса отечественных исследователей. Оригинальная концепция исторического опыта представлена в работах В. Н. Сырова. Исторический опыт с его точки зрения – это опыт какой-то деятельности и средство для действия, а не переживания. Прошлое помимо прочего выступает как опыт, как своеобразное пространство для выделения опытов.

Опыт предназначен для решения «внепознавательных задач или, как бы мы сказали по-другому, практических целей...» [14, с. 46]. «Интрига» или «сюжет» исторического повествования определяется не произвольным выбором, а вытекает из целеполагающей и целедостигающей деятельности. Другими словами цель, которую ставит перед собой историограф «определяет необходимость выбора той или иной индивидуальности», а индивидуальность самой ситуации «индивидуализирует и выбор свойств изучаемого объекта» [14, с. 49].

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Вен П. Фуко совершает переворот в истории: приложение // Вен П. Как пишут историю: опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гусейханов М. К., Раджабов О. Р. Концепции современного естествознания: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К, 2007. 540 с.
6. Естествознание. Энциклопедический словарь. Опыт – БСЭ – Яндекс. Словари. Режим доступа: //slovari.yandex.ru>БСЭ>Опыт
7. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография. М., 1980.
8. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
9. Лооне Э. Н. Современная философия истории. Ч. III. Процедуры установления исторического знания. Режим доступа: orentextnn.ru>history/?id=1044 (дата обращения: 28.09.2013).
10. Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI.
11. Панов В. Г. Яндекс. Словари БСЭ. 1969 – 1978. Режим доступа: slovari.yandex.ru>БСЭ>Опыт
12. Соловьев В. Толковый словарь по философии (репринт 2001 г.). Режим доступа: //slovari.yandex.ru>БСЭ>Опыт
13. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. Режим доступа: любомудр.рф> Статьи.
14. Сыров В. Н. Сущность и значение исторического знания в современном мире в контексте образовательной ситуации // Сибирь. Философия. Образование. 1.(0). 1997.
15. Философский энциклопедический словарь. 2010. Режим доступа: dic.academic.ru>dic.nsf/enc_philosophy/2895/ОПЫТ 07.07.2014
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». И. Т. Касавин. 2009. Режим доступа: psyoffice.ru>5-epistemology_of_science-550.htm
17. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. Ed. by R. H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press. 1978. P. 41 – 62.

Информация об авторе:

Боровкова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин гуманитарно-экономического факультета Рубцовского промышленного института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, РИИ АлтГТУ, o.v.borovkova@gmail.com.

Olga V. Borovkova – Candidate of Philosophy, Professor of the Humanitarian Department, Rubtsovsk Industrial Institute, branch of Altay State Technical University named after I. I. Polzunov.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.